

Е. Ю. Дубровская

**«ОКНО В МИНУВШЕЕ»: ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО КАРЕЛИИ
НА СТРАНИЦАХ ФИНЛЯНДСКОЙ ПЕРИОДИКИ
И РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ИЗДАНИЙ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

С начала 1880-х годов особое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи все в большей мере становилось объектом критики и прямых нападков со стороны крайне консервативных сил общества¹. Финляндская политика имперских властей на рубеже XIX и XX веков спровоцировала взрыв антирусских настроений среди жителей княжества. Зачастую отголоски этого противостояния переносились в сферу противоборства лютеранского и православного вероисповеданий².

Как отмечает М.А. Витухновская, возникшее в начале столетия в российской Карелии, прежде всего в ее северо-западной части, карельское национальное движение находилось лишь на начальной стадии, когда собственная уникальная культурная идентичность, по сути, еще не воспринималась как ценный уникальный ресурс, который надо защищать и отстаивать. В культурной и пропагандистско-политической деятельности конфликтовавших сторон карельское население, в основном крестьянское и не имевшее собственной интеллигенции, участия не принимало³.

Этнические предрассудки, попадавшие на страницы как российских, так и финляндских периодических изданий, влияли на формирование у читателей устойчивых этнических стереотипов, которые не способствовали снижению напряженности в отношениях между жителями сопредельных территорий, в том числе и на бытовом уровне. Многие из образов, сформировавшихся в общественном мнении (образ врага, образ другого государства и т.д.), тесно переплетены с конкретными обстоятельствами места и времени, а составные элементы образа являются порождением исторического момента⁴.

Исследователь из Университета Йюэнсуу (Финляндия) Ю. Шикалов на материале Беломорской Карелии проанализировал структуру, механизм возникновения и воспроизводства как российского стереотипа «полудикого карела», так и финского стереотипа начала XX столетия, представлявшего карел в «романтизированном» свете⁵. Выводы автора во многом справедливы и для восприятия населения Приладожской Карелии людьми, приезжавшими сюда в эти годы из Финляндского княжества, российской столицы или губернского центра Олонецкого края.

К началу Первой мировой войны описание миссионерских поездок православного духовенства Выборгской епархии по сопредельным территориям по обе стороны российской границы с автономным Великим княжеством Финляндским сформировалось в качестве самостоятельного жанра⁶. Он был рассчитан на «своего» читателя и специфически отражал реалии конкретных путешествий с информационными, просветительскими и морализаторскими целями.

В исторической литературе к настоящему времени достаточно подробно проанализирован арсенал средств имперской национальной политики, сложившийся к концу XIX — началу XX века, включавший наряду с экономической и церковно-миссионерской просветительской деятельностью и идеологически-пропагандистские приемы, охватывавшие публикации в прессе и создание конструкций, направленных на доказательство «прорусскости» карел⁷.

Заметное влияние на усиление противодействия этой тенденции оказал издававшийся Союзом беломорских карел журнал “*Karjalaisten pakinoita*” («Карельские беседы»). Созданный в 1906 году Союз беломорских карел также развернул соответствующую пропагандистскую работу в северокарельских волостях, ставил целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел» на основе всемерного сближения российской Карелии с этнически родственными населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей⁸. В годы Первой российской революции вопрос о судьбах Карелии стал предметом острых дискуссий между приверженцами так называемого панфеннизма и деятелями православных просветительских организаций, прежде всего между «Союзом беломорских карел» и созданным в противовес ему «Карельским православным братством».

Издававшийся Союзом беломорских карел журнал “*Karjalaisten pakinoita*” («Карельские беседы») начал выходить в финском городе Ювяскюля в 1906 году, в год основания Союза, его редактором стал один из вдохнови-

телей организации писатель Ииво Хяркконен⁹. Журнал неоднократно закрывался по цензурным соображениям, но в 1907 году он вновь появился под различными названиями: “Kesaalehti” («Летняя газета»), “Elonaika” («Жатва»), которые явно соотносятся с определенными сезонными циклами сельскохозяйственной деятельности жителей приграничья; по мысли издателей, такая тематика должна была привлечь и заинтересовать будущих читателей. С 1908 года издание стало называться “Karjalan kävijä” («Карельский странник»).

Материалы этого журнала, как и заметки в газетах “Laatokka” («Ладoga»), “Karjala” («Карелия»), выходявших тогда же в г. Сортавала (Сердоболь), в гельсингфорсской (хельсинкской) “Uusi Suometar” («Новая финка») и др., свидетельствуют о намерениях финляндцев привлечь на свою сторону карельское население Архангельской и Олонецкой губерний, но прежде всего карел Выборгской губернии, проживавших на Карельском перешейке и в Северном Приладожье¹⁰.

Наряду с зарисовками «милой старины», например описанием карельского свадебного обряда в инсценировке учащихся одного из народных училищ в Беломорской Карелии¹¹, на страницах журнала публиковались материалы естественно-научного плана, призванные формировать читательское видение поступательного хода времени из прошлого в будущее. На смену архаичным средневековым представлениям о цикличности и мгновенности земного времени должны были прийти осознание значимости инновационных перемен эпохи модернизации, уяснение причинно-следственных связей, определявших последовательность действий и порядок вещей.

Так, преподаватель словесности Альфред Йотуни в 1908 году в нескольких номерах журнала опубликовал статьи под общим заголовком «Явления нашего времени», где упомянул о таких «чудесах» современности, как телефон, телеграф, фонограф, паровой двигатель и динамо-машина, фотография и воздухоплавание¹². Начав с описания известных всему миру древних семи чудес света, автор в конце концов подвел своих читателей к выводу: «Время, в которое мы живем, — это время мощного прогресса». И хотя автор все же оставил открытым вопрос о том, счастье или несчастье сулит этот прогресс человечеству, он настойчиво подчеркивал: «Очевидно, что в любом случае человек все в большей и большей степени учится подчинять себе силы природы, заставляя их работать вместо себя», а это ведет к «духовному развитию и улучшению условий жизни»¹³.

Активность же православного духовенства, служившего в Приладожской Карелии, во многом способствовала превращению временного вектора (от настоящего в прошлое) в одну общую реальность, закодированную «семиотическим объектом» — стереотипом «коварной и неблагодарной Финляндии».

Уже в самых первых (первоначально издававшихся машинописным способом силами православного кружка в с. Салми) номерах журнала «Карельские известия» нашли отражение разногласия между финляндской общественностью и русской администрацией во взглядах на целесообразность деятельности Сортавальской (Сердобольской) учительской семинарии, ставшей неудобной для центральных властей. Она готовила учителей, владевших финским языком, для карельских приходов с православным населением. Однако российские власти вскоре перестали принимать их на учительские должности как скомпрометировавших себя служением «пан-финской идее»¹⁴.

Основанная в 1880 году семинария не являлась старейшей среди подобных учебных заведений края¹⁵. Однако на нее было обращено пристрастное внимание имперских высших чинов, подозрительно относившихся к особому автономному положению Великого княжества Финляндского в составе Российского государства. Необходимость введения обязательного изучения ее воспитанниками русского языка уже в начале XX века мотивировалась ощутимой потребностью в преподавателях государственного языка империи для школ российско-финляндского приграничья¹⁶.

В 1909 году в Петербурге отдельной книгой была издана подборка материалов периодической печати с целью разоблачить намерения финляндцев привлечь на свою сторону карельское население финляндской и российской Карелии¹⁷. Среди этих публикаций значительное место отводилось выступлениям сортавальской газеты “Laatokka” («Ладога»), руководимой семинарскими кругами¹⁸. Разумеется, издания, подобные брошюре инспектора по делам православной религии в Финляндии протоиерея В.П. Крохина, не способствовали снижению напряженности в отношениях противоборствующих сторон¹⁹.

Еще в период правления финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобринского, снискавшего себе печальную славу приверженца русификаторского курса имперской власти, была специально создана комиссия по решению вопроса о дальнейшей судьбе семинарии. Комиссия признала необходимым «подвергнуть семинарию коренному преобразованию таким образом, чтобы вся ее учебно-воспитательная работа и административная

часть были переданы в руки лиц истинно русского направления и все предметы преподавались в ней на русском языке»²⁰. Последовавшее за убийством Бобрикова изменение правительственной политики в Финляндии не позволило осуществиться планам по преобразованию или упразднению семинарии, хотя неоднократно предпринимались меры репрессивного характера против выразителей господствовавших в ее стенах настроений. Так, в 1911 году был отстранен от должности инспектор православных народных школ в Карелии Садовников, сторонник феннофильских взглядов²¹.

В марте 1914 года, знакомя читателей с ситуацией вокруг опального учебного заведения, еще выходившие машинописным способом «Карельские известия» использовали образы прошлого и нынешнего времени для критики духа, «в котором воспитываются ученики Сердобольской семинарии», и тех «чувств и стремлений», с которыми «выходят из этой семинарии молодые люди, принимающиеся за учительскую деятельность в финских народных школах». По мысли автора журнальной публикации, вполне естественно, что «такой учитель финской народной школы в проявлениях русского влияния видит “злое” и ведет борьбу против него», то есть «против русских обычаев среди карел, против мировоззрения русского простолюдина в кареле, против русских слов в языке карела, навязывая взамен этого финские обычаи, мировоззрение, слова»²².

Сами будущие учителя, продолжал автор заметки, во время пребывания в семинарии «вполне успевают проникнуться финским духом и усвоить финское обличье». Если в семинарию «они поступали еще православными карелами: Алексеевыми, Подушкиными и др.», то заканчивали ее «под фамилиями Арнио, Лайне, Харкинена, Канерво, Райнио» и т.д., «поступали они с именами Карпов, Парасковий и др., кончали с именами Карлов, Эв и пр.».

В цитируемой статье подчеркивается не только влияние на учащихся преподавателей, но и фактора времени — «товарищеской среды» и обстановки, в которой «приходится жить четыре года ученикам из православных карел». Таких учеников в семинарии «бывает обычно один-два на класс, состоящий из тридцати человек, чисто финнов». После четырехлетнего обучения «православный карел, сделавшись народным учителем, ревностно начинает вырывать “злые семена”, брошенные в православных карел “чужестранцем”, то есть усердно очищает язык своих учеников от русских слов вопреки желанию родителей»²³.

Подытоживая сказанное, автор публикации отметил, что «речь молодого поколения получила западный отпечаток и стала приближаться к языку остальной Финляндии», вот почему зачастую «в одной и той же семье гово-

рят двумя разными наречиями), и «многие старые люди порицают это нововведение». Автор сослался на сетование одного старика-карела (сам факт приверженности того заветам прошлого должен был служить дополнительным аргументом против семинарских новшеств) по поводу его племянницы: «Весь свой разговор сменила, не умеет более говорить по-человечески»²⁴.

В январе 1912 года, когда отношение русских властей к семинарии изменилось к худшему, комиссия от гласных г. Сортавала (в состав которой вошли директор семинарии К.А.О. Реландер, известный врач Г. Винтер и пятеро других уважаемых горожан) обратилась к председателю Совета министров В.Н. Коковцову. Комиссия просила воспрепятствовать переводу учебного заведения в какой-либо другой город Финляндии, сопроводив свое ходатайство подробным изложением истории создания и деятельности семинарии как крупного культурного центра княжества²⁵.

В конце января 1914 года генерал-губернатор Ф.А. Зейн предложил Финляндскому сенату разработать «меры к внутреннему преобразованию строя семинарии»²⁶. С началом Первой мировой войны дальнейшее рассмотрение вопроса о судьбе учебного заведения перешло в сферу компетенции военных властей. Те предлагали (правда, безуспешно) закрыть семинарию, заявляя, что она служит «проводником панфинской пропаганды» и содействует вербовке сторонников егерского движения²⁷.

Историко-этнографические источники отразили как этническую мозаичность населения пограничных территорий, так и представления людей о носителях «своей» и «чужой» культур²⁸. Однако при этом исследователь не всегда имеет дело с иноконфессиональными образами, формирование которых было предопределено конфликтами сторонников противоборствующих православия и лютеранства.

«Старое» и «новое» сталкивались между собой по самым различным поводам. Так, на страницах рассматриваемых православных изданий встречаются описания курьезов, основанных на неготовности карел воспринять отдельные элементы чужой для них «городской» культуры русских, в том числе и гастрономических новшеств. Катехизатор Василий Толстохнов рассказал читателям «Православного финляндского сборника» о встрече паломников с карельскими крестьянами из д. Кауноселькя. Встреча произошла на пути в д. Канабра. Паломники во время своей трапезы на дороге угостили одного из крестьян сыром. Тот, «отведав немного, стал прятать его в карман», а когда увидел, что это открылось, сказал в оправдание: «Этот я прячу для того, чтобы отнести домой и показать другим, и надеюсь, что этого маленького кусочка хватит на всю нашу большую семью». Однако

позже, как свидетельствует автор заметки, «часто отплеываясь, он тихо повторял: “Вот еще что едят люди и за что платят деньги”»²⁹.

В этом описании нашел отражение и типично сдержанный нрав карела, который сумел скрыть недоумение и недовольство непривычной пищей, а к тому же постарался найти объяснение своему отказу от ее употребления, чтобы не обидеть угостивших его людей. Несомненно, почтительное, религиозное отношение к пище, существовавшее у карел, как и в большинстве культур³⁰, не позволило крестьянину немедленно выбросить неподходящее угощение. Тем более что это произошло в дороге, то есть в маргинальном времени–пространстве путешествия, где человек, оторванный от охранительного воздействия родного дома, длительно находился в уязвимом состоянии. Так, сакральная семантика пищи переплеталась с семантикой «осваивания» пространства и времени.

Освоенное же человеком пространство–время следовало маркировать, и не только при передвижении в буквальном смысле «по горизонтали», но и при неизбежном разделении сакрального пространства «по вертикали», связанном, например, со смертью кого-либо из членов семьи.

Автор опубликованной в 1914 году заметки в «Карельских известиях», подписавшийся инициалами И. Р-в, сетовал на то, что «еще и теперь вся жизнь карела насквозь пропитана разными языческими суевериями и обрядами». Приведенное им наблюдение над похоронно-поминальной обрядностью начала XX века свидетельствует о сохранявшихся в памяти народа необходимых ритуальных действиях, регламентированных временными параметрами и связанных с ситуацией перехода.

По свидетельству автора публикации, «тотчас после смерти члена семьи хозяин дома или старший в роде идет в хлев и там усердно молится богу скота Власию, чтобы тот сохранил любимую лошадь или корову от возможных посягательств на нее со стороны усопшего»³¹. Исследовательница Н.А. Лавонен в конце XX столетия описала этот же обычай со слов жителей южнокарельской деревни Улялега Пряжинского района: «Сразу же идут в хлев и, похлопывая корову, овец рукой, приговаривают: Это моя, это моя, это моя». Зачастую так «делили»/оберегали не только домашний скот, но и детей³².

Вышеупомянутый автор «Карельских известий» зафиксировал и хорошо известный современным ученым ритуал, относящийся к традиционному погребально-поминальному обряду карел: «Рот умершего закрывают чистой тряпкой, чтобы в него не мог войти диавол. Рядом с телом усопшего ставят чашку с водой» (чтобы душа, вышедшая из тела, могла сразу же об-

мыться), мыло, использованное для обмывания покойника, бросали в реку или применяли для различных магических действий. Тело часто обкуривалось ладаном, в гробу делалось окошечко, куда вставлялись стекла (аналогия с отмеченным исследователем намеренным использованием окна жилища в качестве канала связи с внешним миром³³).

Известнейший исследователь структуры и магической значимости мифов М. Элиаде писал, что в представлениях людей «прошлое зачастую оказывалось одним из измерений потустороннего мира» и именно поэтому «в той мере, в какой оно забыто, прошлое — историческое и первоначальное — сопоставимо со смертью»³⁴. Не простое погребение, а сокрытие такого сакрального прошлого, способ общения с ирреальным, проникшим во внешний мир, предполагает манипуляции с предметами-знаками, магически связанными со своими означаемыми. Священное, включая восприятие сакрального времени, составляет наряду с эстетическим одну из базовых доминант человеческого существования³⁵.

«На то место, где до положения в гроб лежал умерший, — пояснял автор историко-этнографической публикации в “Карельских известиях”, — ставят кочергу, а в сам гроб кладут костыль» (возможно, для того чтобы облегчить скорость передвижения усопшего в неизвестном для него «ином мире»). С памятью о символическом освоении времени–пространства связано приведенное автором заметки описание одного из элементов похоронного обряда: участники похорон бросали в могилу деньги, «выкупая место». Однако он сослался и на другое услышанное им объяснение этого ритуального действия. «Говорят, что деньги нужны покойнику для уплаты за проезд через какую-то огненную реку...». Такое путешествие во времени, уже обернувшимся вечностью, в представлениях крестьян все же основывалось на аналогиях с опытом земной жизни.

По возвращении с погоста, продолжает автор, при входе в дом, «все участники похоронной процессии касаются рукою печки»³⁶, рассчитывая на очистительную силу главного в жилище оберега от злых сил, которые могут посягать на живых из иного мира и иного времени.

Рассмотренные публикации в финляндской периодике и русских православных изданиях начала XX века позволяют проследить, как шло формирование представлений русских читателей о жителях карельского приграничья, как трактовались образы прошлого Карелии православными миссионерами и финскими национальными активистами и каким виделось населению края мифологическое пространство–время, символы которого сберегла память этносов-соседей.

* * *

¹ *Витухновская М.А.* Карелы и Карелия как «яблоко раздора». Русская власть и православная церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII–XX веках: специфика границы. СПб., 1999. С. 239–253; *Кирккисен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 169–171.

² *Björn I.* Suomalaisten Sortavala, Laatokan valkoinen kaupunki // Sortavala — rajakaupunki. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. Joensuu, 2001. S. 22–25; *Hämynen T.* Suomalaistajat, Venäläistajat ja Rajakarjalaiset: kirkko- ja koulukysymys Rajakarjalassa 1900–1923. Joensuu, 1995. S. 63–86; *Laine A.* Sortavalan seminaari — Joensuun yliopisto: suomalaisesta kasvatuksesta suomalais — venäläisten tieteelliseen yhteistyöhön // Sortavala — rajakaupunki. S. 38–41.

³ *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006.

⁴ *Забелина Н.Ю.* Имагология как форма исторического знания // Научные труды Московского гуманитарного университета: докл. XII науч. конф. М., 2008. Вып. 95. С. 138–153.

⁵ *Шикалов Ю.Г.* Стереотипы Беломорской Карелии: взгляд с Востока и с Запада // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск, 2003. Вып. II. С. 118–128; см. об этом также: *Дубровская Е.Ю.* «Военное лихолетье» в Карелии: время в представлениях авторов православных изданий периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Четырнадцатой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 278–286.

⁶ Подробнее об этом: *Дубровская Е.Ю.* Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. // Христианство в регионах мира / ред. Т.А. Бернштам. СПб., 2002. С. 58–70.

⁷ *Мусаев В.И.* «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX — начало XX века) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). СПб., 2007. № 10. С. 77–48; *Шейкин А.А.* Конструируя «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды» в документах канцелярии архангельского губернатора) // Восточная Финляндия и российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 160–164.

⁸ *Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А.* Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии // Нестор. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография / Ред. В.И. Мусаев. СПб., 2007. С. 17–19.

⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 304–305.

¹⁰ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века — 1930-е годы). СПб., 2007. С. 88–105.

¹¹ Itä — Karjalan kansanopistosta // Karjalan kävijä. 1908. Joulunumero. S. 5–6.

¹² Jotuni A. Meidän aikamme ihmeistä // Karjalan kävijä. 1908. Elokuun numero. S. 2–6; Lokakuun numero. S. 6–9.

¹³ Jotuni A. Op. cit. Lokakuun numero. S. 9.

¹⁴ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб., 2007. С. 126.

¹⁵ Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876. С. 605; Дмитриев А.П. Ректор Сортавальской духовной семинарии протиерей Николай Валмо и финское «литургическое пробуждение» // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск, 2005. Вып. 1. С. 138–149.

¹⁶ Полвинен Т. Держава и окраина: Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997. С. 152.

¹⁷ Панфинская пропаганда: по финским источникам. СПб., 1909.

¹⁸ Kansallisarkisto (далее КА — Национальный архив Финляндии). ККК (фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора). Fb Hd 105. Дело о Сердобольской семинарии 1912–1913 и 1916 годов. Письмо Ф.А. Зейна Ю.Н. Данилову 14 декабря 1916 года.

¹⁹ Например, Алексеев В.А. Панфинский лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. СПб., 1910; Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры (финляндская печать о финляндцах): материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913; Крохин В.П. Как возникла в г. Сердоболе финская учительская семинария и как она офинивает Карелию. СПб., 1910; Смирнова С. Угнетенная страна. Заметки о Финляндии. СПб., 1908; и др.

²⁰ КА. Сердобольская учительская семинария. Ч. III: Характер деятельности.

²¹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 199.

²² Карельские известия. 1914. № 4. С.14.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ КА. Исторический очерк возникновения и деятельности Сердобольской семинарии. Перевод.

²⁶ КА. Письмо Ф.А. Зейна Ю.Н. Данилову 14 декабря 1916 года.

²⁷ Движение, ставшее формой активного сопротивления унификаторским начинаниям центральной власти, было ориентировано на германо-финляндское секретное сотрудничество в области создания на немецкой территории добровольческой боевой единицы финляндских сепаратистов — 27-го Королевского Прусского егерского батальона. Подробнее см.: Дубровская Е.Ю. Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX века // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 28–36.

²⁸ *Pulkin M.* The Finlandization of Karelia and the Russification of Finlandia as Reflected in the Russian Press at the Beginning of the 20th Century // *Narva and the Baltic Sea Region*. Narva, 2004. P. 217–223.

²⁹ Из дневника катехизатора // *Православный Финляндский сборник*. 1910. № 3. С. 37.

³⁰ *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л., 1990. С. 139–144.

³¹ Похоронные обряды в Русской Карелии // *Карельские известия*. 1914. № 23. С. 8.

³² *Лавонен Н.А.* Из наблюдений о бытовании погребально-поминального обряда в Южной Карелии // *Фольклористика Карелии*. Петрозаводск, 1993. С. 32–33.

³³ *Байбурин А.К.* Окно в звуковом пространстве // *Евразийское пространство*. Звук, слово, образ. М., 2003. С. 130.

³⁴ *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000. С. 117.

³⁵ *Адоньева С.Б.* Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб., 2001. С. 40–41.

³⁶ Похоронные обряды... С. 8.